

# ТЕОРІЯ ДЕРЖАВИ І ПРАВА

---

УДК 340.34.01

**В. П. Плавич**

доктор философських наук, кандидат юридичних наук, професор, академик  
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,  
кафедра общеправових дисциплін і міжнародного права  
Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна

## ПРОБЛЕМЫ ОБОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НОРМЫ

В статье рассматриваются проблемы обоснования юридической нормы. В перспективе представляется вполне возможным создание экспертных систем, способных просчитывать допустимые траектории движения действующего субъекта к той или иной цели в заданном нормативном пространстве. Мы должны научиться (или захотеть?) выражать дух закона в его букве. Однако создание специализированных систем для профессионалов с развитым, но не аморфным правосознанием — вопрос будущего.

**Ключевые слова:** юридическая норма, обоснование, смысл, внутренняя форма, интерпретация.

Понятие нормы права принадлежит к числу наиболее важных категорий теории права. Любое правовое явление раскрывается и обнаруживает себя только во взаимосвязи с нормами права. Норме права как части системы в той или иной степени свойственны признаки, присущие праву. Поэтому ей можно дать определение, идентичное по своему значению определению права в целом [1, с. 365].

Норма права — это общеобязательное, установленное или санкционированное и охраняемое государством правило поведения, выражающее обусловленную материальными условиями жизни общества волю и интересы народа, активно воздействующее на общественные отношения в целях их упорядочения. Любое государственно-организованное общество не может обойтись без норм права. Но это единичный феномен права, поэтому полное научное определение понятия предполагает выяснение присущих норме права специфических признаков (свойств) [2, с. 289].

Значительное внимание разработке учения об обосновании правовой нормы было уделено научными работниками в дореволюционный период (Н. Коркунов, Ф. Тарановский, Г. Шершеневич и др). Свое дальнейшее развитие оно получило в работах советских ученых (Н. Александров, М. Байтин, П. Недбайло). Современный этап развития учения о правовой

норме требует не только дальнейшего совершенствования, а и переосмысления важных ее признаков и свойств.

Таким образом, проблема обоснования норм, рассматриваемая автором, является, пожалуй, наиболее сложной и в то же время наименее разработанной темой теории аргументации, логики и права.

Нормы и оценки относятся к *активным употреблениям языка*, связанным непосредственно с человеческой деятельностью. Существуют две основные схемы целевого обоснования норм (оценок). В одной из них используется понятие логического следования, в другой — понятие причинной (казуальной) связи [3, с. 247].

Самым общим образом нормы можно разделить на следующие группы:

- *правила*, включающие правила игры, грамматики, логики и математики, обычая и ритуала и т. п.;
- *предписания*, охватывающие законы государства, указы, директивы, команды, приказы и т. п.;
- *технические*, или *целевые*, нормы, указывающие на то, что должно быть сделано для достижения определенной цели (например: “Чтобы в доме не было душно, следует проветривать его”).

Эти группы норм можно назвать *основными*. Существуют также разнообразные нормы, занимающие как бы промежуточное положение между главными их видами. Особый интерес среди них имеют:

- *традиции и обычаи* (“Следует уважать старших”, “На Новый год принято наряжать елку” и т. п.);
- *моральные принципы* (“Забиться о своих близких”, “Не будь завистлив” и т. п.);
- *правила идеала* (“Судья должен быть беспристрастным”, “Честность — лучшая политика” и т. п.).

Характерно, что нормы всех видов, несмотря на их многообразие, имеют, если отвлечься от проблемы авторитета нормы, одну и ту же структуру. В последние 100 с небольшим лет ситуация изменилась. В философии было введено понятие *ценности*, непосредственно связанное с человеческой деятельностью. Постепенно стали складываться логика норм и логика оценок, начала формироваться современная теория аргументации, или новая риторика, которая попыталась, в частности, проанализировать проблему объективности норм и оценок и описать те конкретные способы обоснования, которые используются в случае активных употреблений языка.

Несмотря на успехи, достигнутые в исследовании обоснования норм и оценок, вопросы, связанные с активными употреблениями языка и приданием им объективного значения, все еще остаются недостаточно ясными. Нормы и оценки играют особую роль в деятельности человека, социальных и гуманитарных науках, и в частности в юридической теории и практике. Нормы и оценки во многом обосновываются совершенно иначе, чем описательные высказывания. Оценки и их частный случай — нормы являются необходимыми элементами социальных, а во многом и гуманитарных теорий. Более того, определенные оценки лежат в самой основе социального и гуманитарного теоретического знания.

Социальная теория — и в частности, теория права — анализирует общество в свете возможностей улучшения условий существования человека. Описывая альтернативы дальнейшего развития тех или иных сфер социальной жизни или намечая историческую перспективу для общества в целом, социальная теория обязана подвергнуть критике другие возможные пути. Этого нельзя достигнуть без оценочных суждений. Человеческая деятельность невозможна без норм и оценок. Науки, изучающие человека и общество и имеющие своей конечной целью рационализацию и оптимизацию человеческой деятельности, всегда устанавливают неявные или даже явные нормы и оценки и опираются на определенные ценности. Проблема не в устранении норм и оценок, которые в данных науках в принципе недостижимы, а в обосновании объективности выдвигаемых нормативных и оценочных положений.

Наиболее важным способом является логическое выведение одних норм из других. Если какая-то норма логически следует из уже принятых норм, она обоснована и приемлема в той же мере, что и нормы, используемые в качестве посылок для ее выведения.

Этой проблемой занимается нормативная (деонтическая) логика. Можно лишь напомнить, что она не санкционирует логических переходов от чисто описательных (фактических) посылок к нормативным заключениям. Нормы нельзя вывести из описаний, описания — из норм.

Приведем пример логического обоснования нормы.

Положим, кто-то, незнакомый с существующими обычаями, в общении с окружающими склонен постоянно отклоняться от темы, говорит длинно, неясно и непоследовательно. Для того чтобы убедить его изменить свою манеру общения, можно согласиться на общий “принцип кооперации”, заключающийся в требовании сделать речевое обобщение соответствующим принятой цели и направлению разговора. Этот принцип включает, в частности, максимум релевантности, запрещающую отклоняться от темы, и максимум манеры, требующую говорить ясно, кратко и последовательно. Ссылка на эти максимумы будет представлять собой логическое обоснование рассматриваемого требования.

Полная формулировка соответствующего умозаключения может иметь следующий вид:

Должно быть так, что, если вы стремитесь соблюдать принцип кооперации, вы не отклоняетесь в разговоре от темы и говорите достаточно ясно, кратко и последовательно.

Вы должны соблюдать принцип кооперации.

Следовательно, вы должны не отклоняться в разговоре от темы, говорить достаточно ясно, кратко и последовательно.

Обе посылки этого рассуждения являются нормами, заключение также представляет собой нормативное утверждение.

Самым простым, но вместе с тем и самым ненадежным способом правдоподобного обоснования норм и оценок является неполная (популярная) индукция. Ее общая схема:

S1 должно быть Р.

S2 должно быть Р.

---

S<sub>n</sub> должно быть Р.

S1, S2,....., S<sub>n</sub> Все являются Р.

Все S должны быть Р.

Здесь первые *n* посылок являются нормами (оценками), последняя посылка представляет собой описательное утверждение; заключение является нормой (оценкой). Индукция называется “неполной”, поскольку перечисленные объекты S1, S2,....., S<sub>n</sub> не исчерпывают всего класса предметов S. Например:

Суворов должен быть стойким и мужественным.

Наполеон должен быть стойким и мужественным.

Кутузов должен быть стойким и мужественным.

Суворов, Наполеон и Кутузов были полководцами.

---

Каждый полководец должен быть стойким и мужественным.

Основными условиями, позволяющими добиваться совершенствования норм права, являются:

- точное отражение в правовых предписаниях закономерностей развития государственно-правовой надстройки;
- соответствие норм права требованиям морали и правосознания;
- соблюдение требований системности (непротиворечивости) и других закономерностей действующей системы права при принятии новых норм;
- учет в процессе нормотворчества общих принципов регулирования и управления общественными процессами.

Подведем краткие итоги:

а) норма права может быть определена в качестве исходящего от государства и охраняемого им общеобязательного правила поведения, которое закрепляет за участниками общественных отношений данного вида юридические права и налагает на них юридические обязанности;

б) правовая норма является общим правилом поведения, т. е. образцом, эталоном поведения людей, их коллективов;

в) правовая норма — правило абстрактного, обобщенного характера, первичный элемент права как системы;

г) правовая норма — государственно-властное предписание;

д) правовая норма — явление широкое, многоплановое и в то же время конкретное по содержанию [2, с. 293].

Правовая норма отличается единством, целостностью, неделимостью. Для нее характерна особая структура, т. е. специфическая компоновка содержания, связь и соотношение ее элементов.

При анализе структуры нормы права следует исходить из философского понимания этой категории. Под структурой понимается строение и внут-

ренняя форма организации системы, выражающая как единство взаимосвязей между ее элементами, так и законы данных взаимосвязей.

Традиционно считается, что в структуру правовой нормы входят три элемента:

а) **гипотеза** — указание конкретных фактических жизненных обстоятельств (события, действия людей, совокупность действий, т. е. фактические составы), при которых данная норма вступает в действие;

б) **диспозиция** — “сердцевина” нормы права, т. е. указание на правило (правила) поведения, которому должны подчиняться субъекты, если они оказались причастны к условиям, перечисленным в гипотезе;

в) **санкция** — вид и мера возможного наказания (кары), если субъекты не выполняют предписание диспозиции, или поощрение за совершение рекомендуемых действий. Поэтому назначение санкции — побудить субъектов действовать в соответствии с предписаниями норм права.

Проблема структуры нормы права относится к числу дискуссионных. Мнения правоведов разделились: одна группа авторов (П. Е. Недбайло, В. М. Горшенев и др.) полагает, что норма права имеет три элемента, другая (Н. П. Томашевский, А. Ф. Черданцев) — придерживается двухчленной схемы.

С. С. Алексеев предлагает с достаточной четкостью провести разграничение между логическими нормами и нормами-предписаниями. Если логическая норма содержит три элемента, то норма-предписание — два: или гипотезу и диспозицию, или гипотезу и санкцию.

На наш взгляд, трехчленная структура нормы права — объективная реальность, внутренне присущее ей свойство. Однако предпринимаются попытки к дальнейшей дифференциации ее элементов. Так, А. Г. Братко при анализе запретов выделяет в них не три, а четыре элемента, так как, по его мнению, гипотеза содержит два элемента — гипотезу диспозиции (т. е. гипотезу запрета) и гипотезу санкции. В итоге получается структура запрещающей нормы: условия применения запрета — запрет — условия применения санкции — санкция.

Деятельность, направленная на усвоение закона и выраженной в нем воли законодателя, называется толкованием — интерпретацией. Методологически обеспечить переход от понимания смысла нормы права, объяснение ее сущности — задача юридической герменевтики. Такой переход представляет собой не что иное, как процесс познания, результатом которого являются нахождение единственного правильного варианта интерпретации общеправовых предписаний относительно конкретной правовой ситуации.

У римлян слово “*interpretatio*” имело более обширный смысл: им обозначали не только толкование закона в собственном смысле, но и дальнейшее развитие мысли законодателя при помощи аналогии. Толкование закона есть конечная умственная деятельность, для которой выработаны известные правила. Совокупность этих правил носит название юридической герменевтики. Эту герменевтику юристы XVIII и начала XIX века стремились возвести в степень особой науки. Как заметил Пухта, для того,

кто обладает здравым смыслом, вся наука является герменевтикой, никакие отвлеченные правила герменевтики не помогут разъяснению смысла закона, если разъясняющий его не имеет к тому призвания. Витгенштейн выразился о юридической герменевтике, что это не наука, которую можно преподавать, а скорее искусство, которое следует изучать.

Обосновывая правомерность рассмотрения юридических норм как суждений и оценки их в этом плане как истинных или ложных, В. М. Баранов наделяет их с точки зрения модальной логики качествами дескриптивного и прескриптивного суждения, что и позволяет нам оценивать их. На наш взгляд, правомерность такой интерпретации достаточно проблематична. Однако в методологическом плане проблематичность такой трактовки не является запретом на нее, а только обозначает статус данной трактовки. Другое дело, как в данном случае понимать истинность или ложность юридической нормы. Учитывая сказанное выше, оправданно утверждать, что если характеристика юридической нормы как истинной или ложной и возможна, то только в рамках модальной или деонтической логики и именно правил данных логик. Тезис же об истинности норм права как их соответствия социальной действительности при этом, разумеется, не доказывается, да и сама постановка вопроса остается недостаточно убедительной.

Юридические нормы относятся к двойственным, описательно-оценочным (дескриптивно-прескриптивным) выражениям. Они содержат описание сферы правовых отношений жизни и опосредствованно тех сторон жизни общества, одним из проявлений которых является право. Эти же принципы предписывают определение формы поведения, требуют реализации известных ценностей и идеалов.

Нередко это противоречивое единство описания и предписания разрывается, и юридическим нормам дается либо дескриптивная, либо прескриптивная интерпретация. Споры по поводу истинности данных норм ведутся с давних пор и сейчас не потеряли своей остроты.

Сторонники крайнего подхода считают юридические нормы прежде всего описаниями и убеждены, что понятия истины и лжи приложимы к ним точно в том или же в несколько модифицированном смысле, что и к остальным описаниям. Нередко выдвигается дополнительный аргумент: если бы юридические нормы не были связаны с истиной, то ни одну правовую систему нельзя было бы обосновать и все такие системы оказались бы равноправными.

Эта ссылка на угрозу релятивизма и субъективизма в праве очевидным образом связана с убеждением, что объективность, обоснованность и тем самым научность необходимо предполагают истинность, а утверждения, не являющиеся истинными или ложными, не могут быть ни объективными, ни обоснованными, ни научными. Это убеждение — характерная черта устаревшего стиля теоретизирования, ушедшего в прошлое более века назад.

Сторонники другого, опять-таки крайнего, подхода подчеркивают регулятивную, проектирующую функцию юридических норм. Главным считается не дескриптивное, а прескриптивное их содержание, что исключает

приложимость к этим нормам понятия истины. Нередко при этом, чтобы избежать релятивизма и иметь возможность сопоставлять и оценивать разные правовые системы, взамен истины вводится некоторое иное понятие. Его роль — быть как бы “заменителем” истины в сфере права и показывать, что, хотя понятие истины не приложимо в праве, последнее тем не менее как-то связано с действительностью и в нем возможны некоторые относительно твердые основания. В качестве таких “суррогатов” истины предлагались понятия “эффективность”, “значимость”, “целесообразность” и т. п.

Ни один из этих подходов к проблеме истинности юридических норм (принципов) нельзя назвать обоснованным. Каждый из них представляет собой попытку разорвать то противоречивое дескриптивно-прескриптивное единство, каким является юридическая норма (принцип), и противопоставить одну его сторону другой.

Проблема обоснования юридических норм и принципов связана с раскрытием их двойственного, дескриптивно-прескриптивного характера. Юридические нормы и принципы напоминают двуликое существо, повернутое к действительности своим регулятивным ликом, а к ценностям своим — “действительностным”, истинным ликом. Эти нормы и принципы оценивают действительность с точки зрения ее соответствия ценности, идеалу, образцу и одновременно ставят вопрос об укорененности этого идеала в действительности.

Таким образом, проблема не в том, чтобы в области юриспруденции заменить добро истиной, и не в том, чтобы заместить добро чем-то, что напоминало бы истину и связывало бы, подобно ей, право с действительностью. Задача состоит в выявлении взаимосвязи и взаимного дополнения истины и добра, в установлении их взаимоотношений с другими юридическими категориями [3, с. 207–209].

Поняв правовую норму, индивид усваивает ее, и для соблюдения этой нормы остается необходимость волевой направленности. Процесс интерпретации правовой нормы является творческим, и, по сути, правоприменитель, выступая создателем, создает новую норму, осуществляя акт подведения общей нормы и конкретного случая.

Однако азбука закона, как отмечает А. А. Гайдамакин, иной раз не успевает за реалиями быстротечного времени, и тогда слепое следование этой букве может привести к результату, сходному с “забастовкой по-итальянски”.

*“Иной закон из рода в род  
От деда переходит к внуку;  
Он благом был, но в свой черед  
Стал из благоденья мукой”.*

Кроме того, в процессе правотворчества нередки ошибки, коллизии. И тогда на первый план выходит дух закона, правосознание. И если это правосознание находится в согласии с духом закона и естественным правом, то проблема решается и право продолжает ассоциироваться со спра-

ведливостью. А если этим управляет человек с правосознанием циника? Тогда уж лучше робот... [4, с. 95].

По нашему мнению, нормативное право в целом движется в направлении формализации и детализации своих гипотез и диспозиций, а значит, уходит от субъективизма и идет навстречу логике. Огромные возможности представляет формальная логика для обработки свидетельских показаний, выдвижения версий, о чем свидетельствуют разработки экспертных систем криминалистического, криминологического и розыскного назначения.

Что касается возможностей формального моделирования правовых ситуаций, то в перспективе представляется вполне возможным создание экспертных систем, способных просчитывать допустимые траектории движения действующего субъекта к той или иной цели в заданном нормативном пространстве [5].

К сожалению, логический инструментарий права может использоваться в разных целях, в том числе и для обоснования “расширительного толкования закона”, его свободной интерпретации. Мы должны научиться (или захотеть?) выражать дух закона в его букве. Однако создание специализированных систем для профессионалов с развитым, но не аморфным правосознанием — вопрос будущего.

Логическое выведение одних норм из других, уже принятых, является важным способом теоретического обоснования норм. Нормы представляют собой частный случай ценностного отношения между мыслью и действительностью. Как таковые, они являются частным случаем оценок. Правовая норма — это социально навязанная и социально закрепленная оценка. Средством, с помощью которого оценка превращается в норму, является санкция, или “наказание” в широком смысле слова, налагаемое обществом на тех, кто отступает от установленных им предписаний. Правовые нормы — это жестко закрепленные социальные оценки со строго фиксированной санкцией. Идею, что нормы — это частный случай оценок, можно представить по-разному. В частности, она может быть выражена с помощью следующего определения.

Обязательно действие  $A=ADf$ . Действие  $A$  является позитивно ценным, и хорошо, что воздержание от данного действия влечет за собой наказание.

Этим определением норма “Обязательно действие  $A$ ” разлагается на две оценки: позитивную оценку действия  $A$  и позитивную оценку наказания за невыполнение данного действия (воздержание от него).

Нормы как оценки, стандартизированные с помощью санкций, являются частным и достаточно узким классом оценок. Во-первых, нормы касаются человеческих действий или вещей, тесно связанных с действием, в то время как оценки могут относиться к любым объектам. Во-вторых, нормы направлены в будущее, оценки же могут применяться как к прошлому и настоящему, так и к тому, что вообще существует вне времени.

Отличие норм от других оценок связано, таким образом, с санкцией. Оно имеет в конечном счете социальную природу.



Логика норм исходит из представления, что все нормы независимо от их конкретного содержания имеют одну и ту же структуру.

Каждая норма включает следующие *части*, или *элементы*:

— *содержание* — действие, являющееся объектом нормативной регуляции;

— *характер* — норма, обязывающая, разрешающая или запрещающая это действие;

— *условия приложения* — обстоятельства, в которых должно или не должно выполняться действие;

— *субъект* — лицо или группа лиц, которым адресована норма.

Не все эти части находят явное выражение в нормативном утверждении. Однако без любой из них нет нормы.

В логике норм обычно принимаются во внимание только три из пяти структурных частей нормы: содержание, характер и условия приложения. При этом предполагается, что все нормы адресованы одному и тому же субъекту и принадлежат одному и тому же авторитету. Это позволяет при записи норм на символическом языке отказаться от упоминания субъектов и авторитетов разных норм, входящих в рассуждение. Анализ структуры норм, даваемый нормативной логикой, совпадает в своей основе с теми представлениями о строении норм, которые давно уже устоялись в теории права. В юридической интерпретации всякая норма включает *диспозицию*, *гипотезу* и *санкцию*.

Применительно к правовым нормам санкцию естественно считать составным элементом нормы.

Хотя нормы являются важным элементом социальной жизни, никакой ясной и универсальной классификации, охватывающей нормы всех видов, не существует. Между нормами и тем, что к ним не относится, ясная граница отсутствует. Это говорит о том, что надежды на создание их естественной классификации, подобной, скажем, классификации растений или химических элементов, являются неоправданными.

Традиционно право не признавало иных методов исследования, кроме формально-нормативных (догматических). Поэтому считалось, что юридическая наука не обязана учитывать изменчивую социальную действительность. Известно, что поведение людей предполагает наличие таких социальных регуляторов, как ценности и нормы (в известном аспекте нормы сами по себе являются положительными или отрицательными ценностями), которые не всегда формально фиксированы, но тем не менее достаточно сильно воздействуют на человека и его поведение. Ценности и нормы часто существуют независимо от поведения отдельных людей, хотя и входят составляющей частью в сложный комплекс социальной действительности. Изменение права и эволюция общества взаимно коррелируются. Правовые нормы нельзя сводить к преформации, предобразованию в человеческой природе. Они варьируются соответственно историческому процессу развития общественного строя. Новые правовые теории появляются лишь тогда, когда общество начинает изменяться.

Понятие “норма” вызывает у нас совсем другие представления, и репродукция слов не гарантирует репродукцию смысла. Здесь безусловно

наблюдаются симптомы изменений в восприятии права, которые увеличиваются по мере того, как современное гражданское общество реализуется в политической революции, индустриализации и всеобщей экспансии [6, с. 131, 168].

Интересна лумановская характеристика трех позиций, отражающих вышеназванные изменения в “правовом восприятии”. Первая касается мнения И. Канта о “правовой стороне проблемы революции”. Согласно Луману, если анализировать Кантовские воззрения по этому вопросу в целом, то они “успешно способствуют” превращению “политической монополии в базу права и делают возможными не только легитимацию, но и развитие легитимирующего себя правового порядка”. И далее: “В начале должно быть гарантировано повиновение, даже независимо от содержания норм, и только тогда власть в состоянии ограничить саму себя. В этом наблюдается отказ от простых связей права и времени и переход к секвенции, последовательности шагов, сперва насилие, потом — право... Это означает: тот, кто хоть как-то затронут революцией, не может больше положиться на законность своих ожиданий: он будет вынужден спекулировать на успехе или провале революции. Действие или бездействие — вот в чем вопрос”.

Вторая позиция: вышеизложенная проблема “нормализовалась в правовой технике и догматике”, где “юридические решения проблем должны всегда сравниваться и оцениваться с различными результирующими решениями”. Именно добротная юридическая аргументация — выделяется интуицией через ориентацию на результаты. Это действительно не только для политической аргументации, но также для характеристики догматических правовых концепций, и для обычной интерпретации юридических норм. В Германии данная точка зрения утвердилась в связи с выдвижением телеологических, или функциональных, методов интерпретации. Более того, защищалась даже такая точка зрения, согласно которой все оценки, в конце концов, должны оправдываться через их последствия. Но и здесь “оценка” подразумевает то, что будущее вновь выносит свое решение о праве и несправии — будущее, которого мы не знаем и о котором можем лишь догадываться.

Третья позиция касается социологического правопонимания. Причем юридическая значимость социальных наук в Германии является наиважнейшей дискуссионной темой. Однако в ней отсутствует любая возможность выяснить функцию нормы и смысл долженствования. Несмотря на огромное количество работ, посвященных рассмотрению проблемы смысла, некоторым важным ее сторонам, имеющим принципиальное значение, не уделено достаточного внимания. Это касается, в частности, роли языка в выражении и формировании смысла.

Если для Гуссерля [7, с. 124] в образовании смысла определяющей есть роль (трансцендентального) сознания субъекта, то по Витгенштейну [8], смысл порождается не субъектом, но определенной социально-языковой практикой, которую, однако, может и должен осуществить только субъект. Это чрезвычайно важное наблюдение: субъект оказывается неустраним из смысла, при этом субъект “входит” в смысл через выражение.

Можно сказать, что Гуссерль и Витгенштейн, двигаясь противоположными путями, в равной степени открывают “субъектное” измерение смысла. Это позволяет сделать вывод о том, что роль выражения и роль субъекта для формирования смысла не случайна. Она характеризует “природу” смысла, а не зависит от того или иного подхода.

Смыслы могут существовать объективно, независимо от субъекта, но они всегда созданы субъектом и языком. Вне языка и субъекта — автора их нет и не может быть. Таким образом, новый смысл должен пройти сначала через сознание субъекта и затем воплотиться в речи, чтобы стать тем, чем он есть. Смысл предстает как идеально-объективное образование: идеальным, поскольку недоступен познанию с помощью органов чувств, и объективным, поскольку один и тот же смысл может быть обнаружен и понят многими субъектами. При этом смысл — это именно то образование, с которым мы непосредственно имеем дело в процессе познания.

С точки зрения феноменологии смысл конституируется актами сознания (актами интенции значения). Раскрывая механизм конституирования (т. е. собственно механизм “образования смысла”), феноменология тем самым определяет и онтологический статус смысла: он существует постольку, поскольку конституируется актами интенции значения и существует только тогда, когда конституируется. При этом выражение играет существенную роль в конституировании смысла, поскольку само мышление, а не только коммуникация, осуществляется посредством выражений.

Тот факт, что определить онтологический статус смысла можно только через раскрытие механизмов его образования, демонстрирует и концепция К. Поппера. Смысл получает свое существование посредством воплощения его в языке. Таким образом, только язык, благодаря своим возможностям, обеспечивает данность смысла для нашего мышления и дальнейшую работу мысли и познания с разнообразными смысловыми образованиями.

Анализ кантовского учения о трансцендентальном схематизме чистых рассудочных понятий [9, с. 67] с теорией логической формы Л. Витгенштейна свидетельствует о том, что в концепциях этих мыслителей внутренняя форма (которая у Канта, соответственно, получает название трансцендентальной схемы, а у Витгенштейна — логической формы) выступает как важный смыслообразующий и когнитивный компонент. В рамках гуманитарного познания внутренняя форма может выступать как своеобразный символизм, сущность которого состоит в обнаружении фундаментального принципа, всеобщего закона опосредования, обуславливающего собой построение всего содержания культуры. Внутренняя форма обладает большими возможностями и как средство интерпретации, а точное, может рассматриваться как особая методологическая процедура, схема интерпретации, направленная на установление и расшифровку смысла [10, с. 11].

Право существует для нас как некая форма, имеющая отношение к проблеме напряженности между временным и социальным измерениями и выдерживающая эту напряженность даже в условиях эволюционного роста сложности, комплексности общественной структуры. Форма права выражается в комбинации двух различий, а именно, модальностей ожи-

даний “когнитивний/нормативний” и кода “законний/незаконний”. Все общественные применения права действуют в этих рамках и варьируют предметный смысл.

## Литература

1. Теорія держави і права, Академічний курс: Підручник // За ред. О. В. Зайчука, Н. М. Оніщенко. — К.: Юрінком Інтер, 2006. — 688 с.
2. Комаров С. А. Общая теория государства и права: Учебник. 7-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — 512 с.
3. Ивин А. А. Теоретическое обоснование норм // Логика для юристов: учебное пособие. — М.: Гардарики, 2005. — 288 с.
4. Гайдамакин А. А. Полемические заметки о логике права и правосознании // Государство и право. — 2007. — № 7. — С. 92–95.
5. Романов Ю. Seientia potential est // Компьютеры. — 2000. — № 23. — С. 5–7.
6. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева. Под ред. Н. А. Головина. — СПб.: Наука, 2007. — 648 с.; Луман Н. Мировое время и история систем. Пер. В. Бакусева// Логос. — 2004. — № 5. — С. 131–168; Антоновский А. Ю. “Наука общества” Н. Лумана// Энциклопедия по эпистемологии и философии науки. — М.: 2008.
7. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии// Пер. с нем. А. В. Михайлова. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. — Т. 1. — 356 с.
8. Витгенштейн Л. Несколько заметок о логической форме // <http://anthropologu.rinet.ru/old/6/forma.htm>
9. Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Сочинения: В 6 томах\ АН СССР. Инст. философии: ред. В. Ф. Асмус. — М.: Мысль, 1965. — Т. 4. Ч. 2. — 480 с.
10. Рябокоревка Г. В. Внутрішня форма як категорія філософсько-гуманітарного пізнання // Автореф. дис. ... канд. філос. наук: 09.00.02. — Одеса, 2008. — 20 с.

## В. П. Плавич

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,  
кафедра загальноправових дисциплін та міжнародного права  
Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна

## ПРОБЛЕМИ ОБҐРУНТУВАННЯ ЮРИДИЧНОЇ НОРМИ

### Резюме

В статті аналізуються проблеми обґрунтування юридичної норми. В перспективі вважається можливим створення експертних систем, які зможуть прорахувати допустимі траєкторії руху діючого суб’єкта до тієї чи іншої цілі у заданому нормативному просторі. Ми повинні навчитися (або захотіти?) висловлювати дух закону в його букві. Разом з тим створення спеціалізованих систем для професіоналів з розвинутою, але не аморфною правосвідомістю — питання майбутнього.

**Ключові слова:** юридична норма, обґрунтування, зміст, внутрішня форма, інтерпретація.

**V. P. Plavich**

Odessa I. I. Mechnikov National University,  
The Department of Theory of Law and International Law  
Frantsuzskiy Boulevard, 24/26, Odessa, 65058, Ukraine

## **THE PROBLEM OF THE FOUNDATION OF LEGAL NORMS**

### **Summary**

In this article we are looking at the problem of the foundation of legal norms. There are perspectives of creating expert system capable of finding permittable trajectories of moment for the given subject and of the aims within the normative. We have to learn (or want?) to show the soul of the law in its character, but the creation of specialized system for professionals with a developed but not an amorphous legal awareness — is a question of the future.

**Key words:** legal norms, the foundations, the meaning, inner forms, interpretations.